

*Диакон Максим Плякин,  
секретарь Саратовской епархиальной комиссии  
по канонизации подвижников благочестия*

## **Квазилитургические тексты**

### **как форма существования околоцерковного фольклора**

Под фольклором в рамках данного доклада автор понимает всю совокупность религиозных и околорелигиозных воззрений, распространенных в сознании наших современников, обязанных своим происхождением усвоению (и своеобразному переосмыслению) населением постсоветской России верований, возникших за пределами регулярных книжных традиций тех религиозных общин, которых в нашей стране принято относить к традиционным.

Например, христианская по своему происхождению идея заступничества святых за живущих пред Небесным Царем, встретившаяся с классической языческой идеей владычества в дольном мире низших богов, получивших (или захвативших) власть после устранения (в том числе физического) Первобога, формирует в результате картину иерархии небожителей, «ответственных» за определенные участки мироздания и оказывающие помощь или карающие в зависимости от ритуально высказанного к ним отношения, но не связанных с Первобогом напрямую. Члены этой иерархии носят имена христианских святых (пророка Илии, священномученика Власия, великомученика Георгия, в наши дни — страстотерпца Царя Николая), ритуалы их умилоствления внешне совпадают с некоторыми из христианских обрядов (возжигание свечи, установка лампы перед иконой), но по сути перед нами вполне языческий культ, в котором отдельные боги покровительствуют тем или иным отраслям хозяйства или жизненным ситуациям (св. Георгий — «бог войны», св. Николай II — «гений государства» и т.д.), а «отрешенный бог» (хотя и именуется, например, Саваофом) не имеет ничего общего с личностным и любящим библейским Богом, промышляющим о сотворенном Им мире, и сказавшем некогда Своему пророку: «Милости хочу, а не жертвы» (Ос. 6:6).

Нравственное совершенствование не просто подменяется понятными ритуалами, запрограммированными на достижение конкретной цели, но исключается в принципе, ибо смысл библейских заповедей, сформулированный в Евангелии Самим Спасителем — возлюбить Бога и людей — оказывается «вынесенным за скобки» подобного мировоззрения. Соблюдение заповедей замыкается само на себя, становясь самоцелью, а молитва как общение с Живым Богом превращается в «вычитывание» неких текстов.

В соответствии с принципом выражения закона веры через закон молитвы, неизбежно возникновение таких молитвенных текстов, которые бы отображали не

традиционное христианское мировоззрение, а фольклорное творчество, отстоящее от своих «высоких» христианских источников порой весьма далеко. Фольклорные тексты этого типа, чаще всего совпадая с традиционными богослужебными текстами по форме, отличны от них (вплоть до прямой противоположности) по содержанию. Для данных текстов автор и предлагает определение «квазилитургические» — как признание того не всегда очевидного факта, что богослужение, не отвечающее принципу ортодоксии, верного славления Бога (в самом широком смысле — и историческом, и догматическом), не может претендовать на адекватное выражение «веры святых» (Иуд. 1:3), и, следовательно, такие тексты — «как бы» литургические, ибо их употребление не является «общим делом» Церкви и не может быть таковым.

Однако следует провести границу между текстами, искажающими так или иначе Предание Церкви, и текстами, изначально создававшимися как девиантные по отношению к известной (и не отвергаемой их авторами) норме. Поэтому тексты шуточные, тексты пародийные, тексты сатирические, хотя и написанные в традиционных формах византийской богослужебной поэзии (каноны, акафисты, целые службы), автором в данном докладе не рассматриваются. Традиция создания таких текстов весьма почтенна не только в России, но и в Греции, где подобные произведения принято относить к «паралитургике». Следуя подобному определению, паралитургическими можно назвать и сатирическую Службу Кабаку Шальному, созданную в начале XVIII века в старообрядческих кругах Северной Руси, и пародийный «акафист йаблочкам наливным», созданный автором, известным в РуНете под псевдонимом Монсеньор Эндрю, и многие подобные произведения.

В рамках же данного доклада автор предполагает рассмотреть такое преломление околоцерковного фольклора, которое не просто облечено в форму классических богослужебных текстов, но и предлагается его авторами к реальному молитвенному употреблению, в том числе тексты, уже вошедшие в молитвенный обиход по крайней мере некоторых групп внутри нашей Церкви.

Рассмотрение этих текстов удобно вести, ориентируясь по идеям, доминантным для их создания. При таком подходе квазибогослужебные тексты можно условно разбить на три группы: «политические», «национальные» и «собственно религиозные». Автор понимает, что границы между этими тремя группами довольно зыбкие, а идеи, инициировавшие их создание, вполне могут сосуществовать в рамках одного текста, но ради некоего удобства классификации предлагает придерживаться именно такого разбиения.

К «политическим» текстам можно отнести квазигимны, отображающие определенное политическое мировоззрение и акцентирующее именно на нем центр жизни христианина. Наиболее распространены (и, добавлю, в наибольшей степени восприняты церковным народом) тексты, проецирующие на христианство идеи монархические. В наиболее сжатой форме идеологию этих текстов отражает афоризм, приписываемый во многих источниках свщмч. Владимиру, митр. Киевскому: «Священник немонархист недостойн стоять у Престола Божия». Здесь политические предпочтения ставятся в прямую причинно-следственную связь с сакраментальной деятельностью пресвитера, которая определяется ими, а не верностью Церковному Преданию. Наиболее заметный пласт «монархических» текстов связан с богослужебным почитанием святых Царственных страстотерпцев. За подробным описанием этого сегмента современного литургического творчества автор отсылает к своей статье «Искажения церковного Предания в неканонических богослужебных текстах на примере почитания святых Царственных страстотерпцев»<sup>1</sup>, здесь же хотелось бы повторить некоторые выводы: отринув благодатное сдерживание соборного разума Церкви и противопоставив себя от Бога установленному иерархическому началу, неумеренные почитатели Царя-страстотерпца противопоставили себя и полноте Вселенской Церкви. У них уже все свое собственное: свои святые (к сонму коих «сопричислены» и Царь Иоанн IV, и мифический «схиархиепископ Нектарий»), свои богослужебные тексты, свое богословие с разработанными христологией (в роли Христа — святой Царь Николай<sup>2</sup>), сотериологией (условием спасения ставится не жизнь во Христе и сопричастность Его благодати, даруемой в Церкви, а распространение фотографий членов Царской Семьи<sup>3</sup>), экклезиологией (только истинные монархисты могут быть истинными священниками; истинность определяется, естественно, самими «ревнителями») и эсхатологией (Царь — наше чаяние на Небеси!<sup>4</sup>). Неподконтрольная Церкви религиозность вырождается в языческий по сути своей культ, который его последователи пытаются навязать всей церковной Полноте.

Продолжением этой темы можно считать тексты, созданные в честь человека, об истинной роли которого в истории Русской Церкви не прекращаются споры и по сей день. В прошлом году была даже предпринята попытка официально обратиться к

---

<sup>1</sup> Диак. Максим Плякин. Искажения церковного Предания в неканонических богослужебных текстах на примере почитания святых Царственных страстотерпцев // Труды Саратовской Православной Духовной семинарии, вып. II. Саратов: Издательство Саратовской епархии, 2008. Стр. 116 – 140.

<sup>2</sup> Иконографическим отображением этой концепции стала изображение Г. Распутина во власянице и с крыльями (и, естественно, в нимбе), держащего в руках чашу с отрубленной головой Николая II.

<sup>3</sup> Сообщение на форуме [hristianka.ru](http://hristianka.ru) администратора неомонархического сайта [monar.ru](http://monar.ru) (в настоящее время удалено).

<sup>4</sup> Г. Пономарев. Царь Николай. Исполняет Ж. Бичевская (одноименный альбом, 1998).

священноначалию Русской Православной Церкви с предложением о его прославлении в лике святых, мгновенно оспоренная со стороны Синодальной комиссии по канонизации<sup>5</sup>. Речь идет об Иосифе Виссарионовиче Джугашвили (псевдоним Сталин), почитаемом некоторыми неомонархическими группами как «благодарный Иосиф Великий, Император Всероссийский». К тропарю и кондаку «благодарному Иосифу» примыкает также тропарь «святым мученикам, в годину Великия Отечественныя войны за Дом Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы живот свой положившим», и рассматривать их стóбит в комплексе<sup>6</sup>.

«Стальной император» прославляется в этих текстах за сохранение «Народа Иакова» (т.е. русского), находившегося под игом жидов, и Великая Отечественная война в этой парадигме осмысливается как священная в первоначальном значении этого слова — воины-страдальцы послужили Богу тем, что отдали жизнь за Родину и очистили Дом Богородицы (надо полагать, от тех же жидов).

Очевидно, что монархическое единовластие оказывается (в рамках данной идеологии) бóльшим приоритетом, нежели соблюдение заповедей Православной Церкви. И по необходимости авторы этих квазигимнов идут и на исторический подлог, объявляя Сталина «сокровенным подвижником в Истинной Вере» и «мучеником от жидов», а солдат РККА, погибших в сражениях Великой Отечественной войны — «послужившими Всещедрому Богу». Но через что послужившими? Через страдания за Родину и очищение Руси (= Дома Пресвятой Богородицы). Первое, безусловно, является поступком нравственно положительным, но не является богословской добродетелью, а второе вызывает встречный вопрос «От кого?»

Тропарь и кондак Сталину предлагают три варианта ответа: от жидов, от «врагов в белых халатах» и от «врагов Руси». Ни первое, ни второе, ни третье не являются предметом противостояния со стороны христиан по именно вероучительным мотивам, но с точки зрения автора(ов?) последнего тропаря, уже само это есть свидетельство богоугодности.

И здесь можно наблюдать любопытную тенденцию: крайние монархисты-цареможники (хотя бы формально относящие себя к «Мировому Православию») «прославляют во святых» солдат, погибших на полях сражений Великой Отечественной (хотя среди них, как известно, было много и атеистов, и гонителей, прямых и косвенных,

---

<sup>5</sup> См., напр., комментарий прот. Георгия Митрофанова на официальном сайте Московского Патриархата // Электронная публикация: <http://www.patriarchia.ru/db/text/439538.html>

<sup>6</sup> Опубликовано в составе книги: Сборник материалов о Святом Богоданном Вожде Русского Народа - "стальном императоре" Иосифе Великом (Сталине) / Сост. М. Александров // Электронная публикация на сайте «Москва – Третий Рим»: [http://www.ic-xc-nika.ru/texts/Alexandrov\\_M/Sborniki/Stalin\\_Iosif\\_Vissarionovich/Iosif\\_Velikii\\_SBORNIK.html](http://www.ic-xc-nika.ru/texts/Alexandrov_M/Sborniki/Stalin_Iosif_Vissarionovich/Iosif_Velikii_SBORNIK.html)

и идеология РККА, мягко говоря, не предусматривала веры в Бога как своей составной части), а крайние «истинно-православные» (имею в виду секту А. Смирнова-«фон Сиверса») «прославляют во святых» «благоверного и Богодарованного вождя народа Германского Атаульфа» Гитлера.

Культ «праведного Атаульфа» есть оборотная сторона того же неомонархизма. Те, кто считают для себя невозможным почитание гонителя христиан Иосифа Сталина, но имеют непреодолимую нужду в подобном же символическом персонаже, обращают свои взоры к политическому противнику Сталина и его антагонисту в европейской политике.

На этом фоне рождаются легенды о том, что дедом Гитлера был на самом деле православный русский крестьянин, что всю жизнь фюрер был истинным христианином, а его кончина была... мученичеством от жидов.

В тропаре фюрер III Рейха провозглашается «Предтечей Второго Пришествия Спасова» и «одушевленным образом Христа-Судии». Логически завершением развития всего комплекса фюреропоклонничества стал «провозглашенный» безумным лидером секты «догмат»: «В последние дни ЯХВЕ Сам воздвиг для Своего Избранного Народа Судию и Вождя в лице Адольфа Гитлера. Фюрер возродил подлинную библейско-расовую доктрину и заключил Завет с Господом от имени всей Арийской Расы. Адольф Гитлер есть новый Моисей, призванный спасти остатки Дома Израилева и учредить теократию на Земле. Личность Вождя пророчествовалась ещё в древности и он происходил из Колена Июдина. Книга "Mein Kampf" и другие тексты Адольфа Гитлера есть современные Священные Писания, продолжающие тексты Святой Библии в апокалиптический период»<sup>7</sup>.

Следует отметить, что при малой численности последователей «фон Сиверса», его секта проявляет довольно заметную активность в Интернете, а идеи, подобные вышеприведенным, могут казаться весьма по сердцу различного рода неонацистским или крайним националистическим группировкам, поскольку Сиверс «богословски» оправдывает не только войну с «нелюдьми», но и физическое истребление последних.

К этой же группе текстов примыкает «богослужебный» цикл в честь Царя Иоанна IV Грозного. Нет необходимости пересказывать аргументы сторонников канонизации «благоверного Царя и великомученика Иоанна Грозного», они были разобраны в том числе и в докладе митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия Архиерейскому Собору 2004 г.<sup>8</sup> Остановлюсь лишь кратко на содержании самих текстов.

---

<sup>7</sup> <http://www.rpsd.ru/rusorth/archiv/10-hitler-3.html>

<sup>8</sup> <http://www.patriarchia.ru/db/text/420877.html>

В «иоанновский» цикл входят полная бденная служба с малой вечерней<sup>9</sup> и два акафиста. Квинтэссенцией идеологической составляющей службы можно считать одну из стихир: «Руси Святыя державный зиждителю, / Веры Православныя хранителю, / ересей богопротивных искоренителю / от мерзости жидовства, агарянства, папизма и лютерской народ свой ограждал еси / и житие по заповедям Христовым утверждал еси, / богомудрый Царю Иоанне. / Ты воистину послан нам с Небеси, / и есть дивен во очесех наших» (стихира по 50-м псалме). Здесь собраны все добродетели идеального Царя, которые проецируются на конкретного исторического деятеля — Иоанна IV. Как мог «утверждать житие по заповедям Христовым» человек, отлученный от Святого Причастия за брачное беззаконие (которое, по словам свят. Василия Великого, есть «дело скотское и совершенно чуждое человеческому роду»<sup>10</sup>), думаю, остается риторическим вопросом.

Еще одна мифологема, перекликающаяся с теми мотивами, о которых уже шла речь, содержится в заголовке одного из акафистов: «Акафист покаянный Святому Благоверному Царю-Мученику Иоанну Грозному, за Веру Православную со сродниками убиенному и оклеветанному»<sup>11</sup>. Итак, во-первых, Иоанн превращается в мученика за веру, во-вторых, априорно отменяются все аргументы оппонентов канонизации этого исторического деятеля: ведь «святой Царь» не только убит, но и оклеветан.

Продолжение мифа — в самих текстах. Вот лишь несколько цитат: «Потщися и ныне: да познаем единаго Истиннаго Бога и Богом даннаго нам Самодержавнаго Государя» (тропарь), «да будет Русь воистину Святой, аки Царство Небесное на земли<sup>12</sup>, всему миру в пример и подражание» (4-я возвзашная стихира великой вечерни), «Что тя наречем, Царю Иоанне? Старца ли прозорливаго, яко иго жидовское провидел еси?» (2-я стихира на литии), «верными русскими людьми с благодарностью почитаемый, всемирным же сонмищем жидовским проклятый<sup>13</sup>» (славник на литии). Хилиастические нотки звучат и в акафисте: «Радуйся, дружину опричную по образу ангельского воинства последних времен из слуг верных создавый; Радуйся, новый дворец царский в Александровской слободе, яко Небесый град Иерусалим, воздвигнувый» (икос 7). Звучат и антижидовские мотивы: Грозный Царь не попустил в Московской державе «дух антихристов... от богопротивного племени жидовского исходящий» (кондак 8). При этом на протяжении всего акафиста практически ни разу не прославляются собственно

<sup>9</sup> Выложена в сети Интернет по адресу: <http://www.kolch-rubezh.ru/5/SluzbaIoannu.doc>

<sup>10</sup> Правило 80. См. Книга правил. Издание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1992. С. 337.

<sup>11</sup> <http://www.russkie-idut.ru/akafist/akafist04.htm>

<sup>12</sup> Данная «молитва» заставляет вновь говорить о хилиастической подоплеке современного царепоклонничества, о чем автор уже вел речь в статье о св. Царственных страстотерпцах.

<sup>13</sup> Еще одна параллель со складывавшимися в этой же среде текстами в честь «благоверного Иосифа Великого» — мировой жидовский заговор, которому (здесь) мистически предстоит «готовящий Русь к последним временам» Царь Иоанн.

христианские добродетели, долженствующие быть в жизни христианина: молитва, пост, милосердие. Одно из немногих исключений — ежедневное полагание Царем тысячи земных поклонов (икос 12), что, как нам известно из святоотеческой литературы, еще не является критерием святости. Все преломляется исключительно через политическое видение событий: завоевание новых земель, учреждение опричнины, борьба с боярами, гонение на «жидов»<sup>14</sup>, война с европейскими державами, возвеличивание царского служения на Руси. Даже хрестоматийно известные печальные эпизоды жизни Царя Иоанна подвергаются эпическому переосмыслению: «Радуйся, кровью святителя Филиппа, от еретиков коварно убиенного, без вины помазанный» (икос 9).

Второй акафист Грозному<sup>15</sup> также продолжает ту же мифологическую линию: «Радуйся, крамолу боярскую сокрушивший; Радуйся, предателей Отечества Православного ни во что же вменивший» (икос 4), «Радуйся, убиенного святителя Филиппа горько оплакивавший и убийц его грозно наказавший» (икос 5), «Радуйся, полоцких жидов в Двине потопивший» (икос 7), «Радуйся, постнического жития отрешившийся (sic!). Радуйся, грехов прощение получивший» (икос 10). И, как итог чаяниям: «призри на гибнущую Русь и на народ твой, услыши нас грешных, молящихся тебе, и умоли Христа Бога и Пречистую Богородицу, Царство Самодержавное восстановить и ниспослать нам Царя Православного, *аки же ты был еси*» (молитва).

Отметим также наличие тропаря и молитвы «Святому Благоверному Императору, Отцу Отечества нашего Петру Великому» и тропаря «Святой Благоверной Императрице Екатерине Великой»<sup>16</sup>, критерием «святости» которых также является скорее политическая их деятельность (сама по себе довольно спорная), нежели христианские добродетели.

Итак, идеалом тех, кто «прибегает в молитве» к «вождям» (как мы видели, принципиальной разницы в этом смысле между Сталиным, Гитлером или Иоанном Грозным просто нет), является жесткая автократия, при этом монархия на земле провозглашается подобием Небесного Царствия, а политические цели и свершения подменяют собой подлинно христианские добродетели. Одним из нравственных последствий концепции является принципиальное одобрение насилия в отношении определенных групп людей. Сегрегационизм начинается либо по политическому (монархизм либо его отвержение), либо по этническому (жиды, нелюди etc.), либо по социальному признаку (верный слуга Царя, патриот Святой Руси). В результате на место

---

<sup>14</sup> «Всемирное сонмище» коих «навек с родом его прокляло» Царя Иоанна, что ему поставляется в добродетель (икос 8).

<sup>15</sup> [http://monar.ru/download/prayer/Akafist\\_Ioannu4.doc](http://monar.ru/download/prayer/Akafist_Ioannu4.doc)

<sup>16</sup> [http://www.ic-xc-nika.ru/texts/Alexandrov\\_M/Molitvy/Molitvy\\_protivu\\_vragov\\_Boga\\_Tsary\\_i\\_Rossii.html](http://www.ic-xc-nika.ru/texts/Alexandrov_M/Molitvy/Molitvy_protivu_vragov_Boga_Tsary_i_Rossii.html)

богозавещанного единства (Ин. 17:21) приходит «ненавистная рознь века сего», как определял это явление преп. Сергей Радонежский, что лучше многих слов изобличает суть данных околорелигиозных течений.

К «национальным» автор предлагает относить квазигимны, смещающие центр жизни христианина на национальные вопросы. Одним из выражений данного типа фольклора является ностальгия по «Святой Руси» — той идеализированной стране, которой историки решительно отказывают в существовании. Слоганы этой идеологии известны: «Русский — народ-богоносец», «Москва — III Рим, а Четвертому не бывать», «русский — значит православный» и т.д. Редукция религиозного к национальному приводит к тому, что идеализируются (именно в религиозном смысле) те деятели, которые оставили так или иначе заметный след в национальной истории, безотносительно к их качествам как православных христиан (и даже безотносительно к принадлежности к самому христианству). Наиболее показательными в данной связи представляются квазигимны, адресованные замечательным русским поэтам — Сергею Есенину и Игорю Талькову.

Им обоим написано по акафисту, в которых поэты прославляются за свой талант (несомненно, данным им Богом) и за свою русскость.

Вот фрагменты из акафиста «Мученику Сергию Рязанскому»<sup>17</sup>: «молишия за Россию, Ею же паче Рая Небеснаго возлюбил еси» (кондак 1), «Сподоблен был явиться пред Царственные мученицы и им стихи своя читавый, награжден бысть от земной царицы часами златыми» (кондак 4), «Желание имевый умрети под иконами в русской рубашке, не сподобился еси сего, за грехи народа тяжкие, за неверие в благодать, искупил еси кровию своею и приял венец мученика из руки Сына Божия» (икос 10), «По убиении твоём, оклеветан быша властителями богохульными и к самоубийцам тя сопричтоша» (кондак 11). Вновь звучат слова об оклеветании праведника, о любви к земному отечеству паче чем к Отечеству Небесному, об искуплении людей пролитой мученической кровью.

В этом контексте крайне странно звучат слова молитвы из этого акафиста: «вознеси Богомощную свою молитву... за верных внешнее благочестие соблюдающих — дабы познали суть жизни христианския и стяжали любовь нелицемерную». Крайне странно в том числе и потому, что прославляется человек, чья собственная религиозность порой принимала весьма причудливые черты. Да, Сергей Есенин был одним из немногих, кто публично дал отповедь «агиткам Бедного Демьяна». Но был ли он при этом действительно православным человеком? Была ли его смерть действительно смертью мученика за Христа, как это усиленно старается представить автор этого акафиста?

---

<sup>17</sup> <http://www.eseninivera.narod.ru/akafist.html>



Почему стерта грань между почитением к великому сыну Русской Земли и религиозным почитанием? Эти вопросы, увы, остаются без ответа.

Относительно «Акафиста славному сыну Российской Земли, страстотерпцу и мученику Игорю Талькову»<sup>18</sup> хочется сделать еще одно предварительное замечание: несколько лет назад его можно было обнаружить в церковных лавках храмов Тульской епархии. Пиар-компания, связанная с именем Талькова (сейчас уже практически сошедшая на нет), также аттестовала «страстотерпца Игоря» как «местночтимого святого» Тульской епархии. Эта информация, естественно, опровергалась, но именно поэтому данный текст привлекал особенно пристальное внимание. О причинах невозможности смешивать воедино память и почитание во святых в случае Талькова уже говорил протоиерей Андрей Кураев: «Я же помню его книгу «Монолог»: «Я изучал астрофизику и психологию, увлекаюсь философией, поэтому для начала поделюсь тем, что меня глубоко заинтересовало и взволновало. Вот несколько выдержек из расшифровки трансцендентальных, летящих на Землю из Космоса сообщений в вольном переводе человека-биооприемника, экстрасенсора в четвертой ступени: “Дела земные плачевны. В момент скатывания Земли в предыдущий неузловой микроярус столетней цикличности произошло событие непредвиденное и роковые — были повреждены защитные, установленные высшими силами, инфернобарьеры и психополя, в результате чего над территорией России в предохраняющем слое образовалась дыра, связующая Земной Мир с миром потусторонним... Пространство отпустило бесконечно малый срок — десятилетие. Сверхпространственный туннель не закрыт, дыра расширяется”». Оккультизм, однако... У него были дивные песни, но любовь к России еще не повод к канонизации»<sup>19</sup>.

Добавлю к этим словам несколько цитат из акафиста: «тя во избра по образу Сына Своего Единороднаго в жертву благоуханную за грехи народа Российскаго» (икос 1), «Дух Святый... дарова ти таланты преизобильно поэта и певца, да дарованием сим посрамиши врагов Отечества твоего, верныя же Богу *и стране Российстей* приглашая пети: Аллилуиа» (кондак 2), «Радуйся, безбожным правителям и врагам России устрашение» (икос 2), «Радуйся, сцену яко скинию спасения посреде мира, во зле лежащего, сотворший» (икос 3), «со сцены душу свою за люди полагал еси» (кондак 6), «Радуйся, о непреходящей славе России пророче изрядный» (икос 8).

Итак, на передний план выступает верность России. И Есенин, и Тальков стали певцами своей земной Родины. Их стихи и песни, конечно, составляют богатство русского

---

<sup>18</sup> <http://ital.by.ru/lit/072.htm>

<sup>19</sup> Диакон Андрей Кураев. Церковь в мире людей. М.: издание Сретенского монастыря, 2006. С. 385.

народа. Но с православной точки зрения вновь обнаруживается подмена: любовь к своему народу и стране прикровенно вытесняет собой любовь к народу Божию и искание Небесного Иерусалима. И пусть напрямую этой мысли в цитируемых текстах нет, весь настрой их говорит об обратном: мученики являются устрашением для врагов своей земной Родины. Получается, что из Небесного Царства слуги Бога-любви сеют здесь, на земле, устрашение...

В этой же группе хотелось бы отметить «Акафист святому преподобномученику Иосифу, во иноцех Амбросию, хранителю мироточивыя иконы Матери Божия Иверския-Монреальския»<sup>20</sup>. Помимо крайней сомнительности богословского содержания этого акафиста (так, его рефрен звучит: *Радуйся, Амбросие, новое вино Отца Небеснаго*, а в тексте убиенный брат Иосиф ублажается как «ковчег Завета Новаго» и «святая святым податель»), в нем есть пассажи, позволяющие отнести этот текст именно к «национальной» квазилитургике. Парадоксальным образом Иосиф Муньос (чилиец испанского происхождения) оказывается глашатаем национальных интересов России, причем выраженных в той же причудливо-богословской форме. Вот наиболее характерное место: «Новый конкистадор Америце, грехами одряхлевшей, немногим веком истекшим, явился еси, якоже прежний Кортес, пирамиды богохульныя разоряя: мы же во свете твоём видя свет Христов, поем ти, о Иосифе: Радуйся, камению несекомый, поражаяй Америцы... Радуйся, новая Америка Русская. Радуйся, Русь святая в глубинах адовых» (икос 7). Здесь мы видим уже не только национальную идею (новая Америка Русская), но и геополитику (камень несекомый<sup>21</sup>, поражающий Америки).

Причудливое богословие этого акафиста, как в фокусе, собрало богословскую безграмотность наших современников, сочетая определение подвижника через эпитеты, связанные в Писании с Самим Богом (несекомый камень, вино Отца Небесного, ковчег Нового Завета и т.д.), богословские концепции, не имеющие опоры в Предании (например, об отсрочке Второго Пришествия Христова специально ради брата Иосифа), и просто неумные попытки прославить подвижника паче всякого разума (слова о том, что Иосиф обручился чудотворной иконе, или утверждение, что Иосиф — «земля России в рассеянии»). Воистину, в некоторых случаях, когда уста начинают говорить от избытка сердца, сто́ит смолчать, если разум не готов обуздывать подобные словесные потоки!

Наконец, к последней группе автор относит квазигимны, хотя и лишённые откровенно нерелигиозного центра, однако предлагающие такое видение Православия, которое никак не согласуется с традицией и Преданием Святой Церкви.

---

<sup>20</sup> <http://www.adamovka.ru/books/i-month.pdf>

<sup>21</sup> Срв. Дан. 2:34 и святоотеческие изъяснения этого места Священного Писания.

В первую очередь, речь идет о «богослужебных» текстах в честь подвижников и страдальцев, святость которых не только весьма неочевидна, но и может быть прямо отвергнута Церковью. В ряде случаев мы имеем дело не столько со своеобразной трактовкой известных исторических событий, сколько с прямыми подлогами, касающимися тех или иных подробностей жизни «адресатов» этих текстов. В первую очередь, это относится к текстам в честь иеросхимонаха Сампсона (Сиверса) и «схиигумена Алексея Пензенского». Если культ первого из упомянутых, самозванца, клятвopеступника и нарушителя монашеских обетов, убажваемого своими почитателями как «огненный авва» и «величайший святой XX столетия», есть в известной степени результат неграмотности, то на имени второго, к сожалению, нечистые на руку люди создали из человеческой трагедии (Михаил Шумилин страдал ДЦП в очень тяжелой форме) настоящий коммерческий культ, до поры не встречавший, увы, полноценного ответа со стороны Пензенской епархии.

В честь «преподобного Сампсона Многострадального» составлены семь тропарей и акафист, в честь «преподобного Алексея Пензенского» — два тропаря, кондак и два акафиста. Их мифология в изрядной степени построена на противопоставлении «официальной» Церкви и «истинных ревнителей», под которыми, разумеется, подразумеваются почитатели соответствующих старцев. Так, почитатели иеросхимонаха Сампсона показывают на Соловках «ту самую» камеру, в которой его якобы пытали крысами (хотя в действительности он вообще не был в заключении на островах архипелага), а «алексеевцы» — называют «точную дату» «поставления схиигумена Алексея в священный сан» митрополитом Рижским Леонидом (Поляковым).

При этом можно до бесконечности ссылаться на материалы архивов (государственных<sup>22</sup> и ведомственных<sup>23</sup>) или цитировать канонические правила о невозможности священства человека с подобным заболеванием — «открытая в духе истина» оказывается дороже документированной и верифицируемой исторической правды.

В той же серии фальсификатов, на основе которых создаются культы «новых великих святых», необходимо отметить почитание «схиархиепископа Нектария Русского» (протоиерея Николая Гурьянова, почившего духовника Псковской епархии), «священномученика Владимира Нового Дивеевского» (иеромонаха Владимира (Шикина), чей духовный путь и духовнический опыт вызывает, мягко говоря, многие вопросы),

---

<sup>22</sup> С. Н. Романова. Биография иеросхимонаха Сампсона (Сиверса) по документам российских архивов. // Отечественные архивы, №4'2005 г.

<sup>23</sup> С. П. Синельников. Иеромонах Симеон (Сиверс) в Сталинграде в 1957 – 1958 гг.: правда и вымыслы. // Волга, №4'1999 г.

«пророка Божия Григория Нового» (Григория Распутина-Новых), «бесланских страстотерпцев, от агарян умученных». Всем им составлены акафисты<sup>24</sup>, представляющиеся на данный момент наиболее массовой формой квазилитургии.

Мифологизации подвергается не только недавняя история — существует целая серия «истинных и неложных» акафистов древним святым: вмч. Георгию, преп. Илию Муромцу, благов. кн. Андрею Боголюбскому, благов. вел. кн. Димитрию Донскому<sup>25</sup>. Два последних иногда публикуются с подзаголовками «опричные акафисты», в их текстах мы вновь видим те же монархические мотивы, о которых шла речь в разделе о «политических» текстах.

Как мы видим, для созидания мифа не обязательно наличие «оппозиционных» святых и подвижников — достаточно дать «неклассическую» интерпретацию житиям даже прославленных Церковью святых. Например, преп. Илия Муромец («добрый казак, славный атаман») становится «яко благая весть всем некрещаемым славяном»<sup>26</sup>, а вмч. Георгий оказывается избавителем от «чародеяний, христоубийцев, колдовских облыщений и сатанинских заклинателей».

Но и у «оппозиционности» может оказаться оборотная сторона — если ситуация с возможностью канонизации иеросхимонаха Сапсона довольно ясная: резкое «нет» по совокупности канонических следствий, проведенных сразу несколькими комиссиями, в том числе и Синодальной, то протоиерей Николай Гурьянов, несомненный праведник, имеет все шансы со временем быть прославленным в нашей Церкви. И сказки о «тайном схиархиепископе Нектарии Русском», благословившем почитание во святых «святого великомученика Григория» Распутина и «святого благоверного Царя Иоанна» Грозного, в изобилии представленные в РуНете (и тиражируемые в бумажной печати) — не просто спекуляция именем почившего духовника, но, несомненно, провокация, которая аукнется Русской Церкви в те дни, когда станет вопрос о гласном прославлении праведного Николая Псковоезерского.

Особенно вышесказанное относится к «схимонахине Николае» (Т. Гроян), чьи книги «Царский Архиерей», «Слово истины», «Небесный Ангел», якобы о старце Николае (а также монография ее же авторства о «великомученике Григории Новом»<sup>27</sup>), — несомненно прелестное псевдоагиографическое творчество. Становится понятно, что

---

<sup>24</sup> Некоторые из них рассмотрены в статье: свящ. Феодор Людоговский, диак. Максим Плякин. Жанр акафиста в XXI веке. Она готовится к печати в качестве приложения к книге А.В. Попова «Православные русские акафисты» (М.: Издательство Московской Патриархии, in press).

<sup>25</sup> Личный архив автора.

<sup>26</sup> [http://gal-shumilkina.narod.ru/akaf\\_istilie\\_myromcy.doc](http://gal-shumilkina.narod.ru/akaf_istilie_myromcy.doc)

<sup>27</sup> Мученик за Христа и за Царя человек Божий Григорий — молитвенник за Святую Русь и Ея пресветлаго Отрока. М.: Энциклопедия Русской Цивилизации, 2001.

дремучее невежество и гордость несчастной женщины, рекламирующей саму себя как келейницу и верную ученицу залитского старца, сегодня играет на руку очередному расколу с догматической подоплекой.

Стоит отметить также тот факт, что тропарь и кондак «схиархиепископу Нектарию», публикуемые при посвященном ему акафисте<sup>28</sup>, были получены в «видениях», якобы продиктованные самим почившим о. Николаем. Так предлагается новое, доселе невиданное слово в православной агиологии — святой, который из Небесного Царствия сам себе сочиняет молитвы.

Наконец, хотелось бы отметить еще один текст, отличающийся от многих вышеприведенных тем, что он был напечатан с архиерейского благословения. Правда, уже это благословение вызывает первые вопросы — правомочен ли находящийся на покое архиерей благословлять издание богослужебного текста? Правомочен ли он преподавать благословение изданию, напечатанному за пределами той епархии, которой он управлял?

Речь идет об акафисте Святителю Николаю, архиепископу Мирликийскому, чудотворцу в честь чудотворной иконы его, именуемой «Зарайская»<sup>29</sup>, изданном по благословению архиепископа Амвросия (Щурова).

О грамматике этого акафиста можно сказать кратко — полное отсутствие. Только так можно описать тот чудовищный язык с нагромождением славянских и русских оборотов, которым написан этот гимн. О богословской стороне говорить также довольно сложно, поскольку «богословие» этого акафиста являет собой причудливую смесь Православия и самого дремучего народного язычества, которое только можно встретить в подобных текстах. Как известно, бытует мнение (отчасти подкрепляемое, увы, религиозностью нашего народа), что «Никола — это русский бог». Некоторые фрагменты данного акафиста заставляют вспомнить об этой идиоме. Так, например, в 4-м икосе мы читаем: «Радуйся, помощниче и покровитель наш бысть нам во спасение; радуйся, яко славно бо прославися». Приложение к свят. Николаю известных эпитетов из 1-го ирмоса Великого Канона св. Андрея Критского, основанных на библейской песни из книги Исход (15:1-2), уже представляется недопустимой литургической вольностью. Однако ту же идею отображают и другие места этого акафиста: «радуйся, мосте, имже от земли ко граду Вышняго преходим» (икос 1), «радуйся, твоим бо предстательством спастися уповаем» (икос 5), «радуйся, алчущих и жаждущих правды — сладостная трапезо» (икос 6). Разумеется, подобные литургические вольности не стоит считать результатом злонамеренного искажения Православного вероучения — скорее, их следует отнести на

---

<sup>28</sup> <http://gal-shumilkina.narod.ru/akafist.html>

<sup>29</sup> Акафист Святителю Николаю Мирликийскому Чудотворцу в честь иконы его, именуемой «Зарайская». [М.:] ООО «РОНДА», 2007.

счет совершенной безграмотности автора(ов?) этого текста. Однако тот факт, что подобные чудовищные ляпы обретаются не просто в печатном издании, но под грифом «по благословению», вновь заставляет поднять вопрос о церковной цензуре.

Итак, мы рассмотрели несколько форм бытования околоцерковных мифов в форме квазибогослужебных текстов. Разумеется, рассмотрены далеко не все квазилитургические тексты, созданные в последние годы<sup>30</sup> (да и рамки доклада явно сего не позволяют). Но некоторые выводы можно делать и сейчас. Так, при всем различии форм и «адресатов» этих текстов внутренне их всех роднит отрицание тех путей, которые предлагаются Церковью для духовного роста и совершенствования Ее чад. Будь то фальсификация церковной истории и житийного материала, почитание сомнительных личностей как святых (с одновременным провозглашением всех несогласных «жидовским сонмищем») или смещение «вектора жизни» христианина от Небесного к земному — все это лишь разные виды того радикального искажения христианства, в котором предлагаются различные суррогаты вместо истинного Центра нашей жизни — Самого Иисуса Христа, в свете Которого становятся очевидны те подмены, которые пытаются представить церковные оппозиционеры. Возвращаясь к первым строкам данного доклада, автор вновь хочет подчеркнуть, что лишь просвещение церковного народа вкупе с богословским контролем со стороны Священноначалия могут быть лекарством от распространения в церковном народе существующих квазигимнов, подобных рассмотренным, или появления новых.

---

<sup>30</sup> В частности, не рассмотрен акафист «альтернативной» богородичной иконе — «Воскрешающей Русь», поскольку «явление» этой иконы и «духовность», с ней связанная, уже становилась предметом изучения богословов.